

Екатерина Смирнова

Колдуны

Екатерина Смирнова

Колдуны

«Издательские решения»

2015

Смирнова Е. А.

Колдуны / Е. А. Смирнова — «Издательские решения», 2015

Колдуны разных стран, разных народов, бывших республик и погибших городов, колдуны двух столиц — Москвы и Питера, колдуны выдуманных государств и колдуны вовсе неясного происхождения — все они живут по-разному, прячутся среди нас, совершают безумные поступки, препираются с самой Смертью и все, как один, готовы жизнь отдать за свое колдовство. Говорят, что и душу продали бы. Но это враки: в нашем веке чертей не бывает, душу продавать некому, и потому магия — штука естественная. Присоединяйтесь.

© Смирнова Е. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Колдуны	6
Справка	7
Анечка, Иннокентий и другие невозможные люди	8
Колдун Иннокентий	9
Алый табун	15
Дом	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

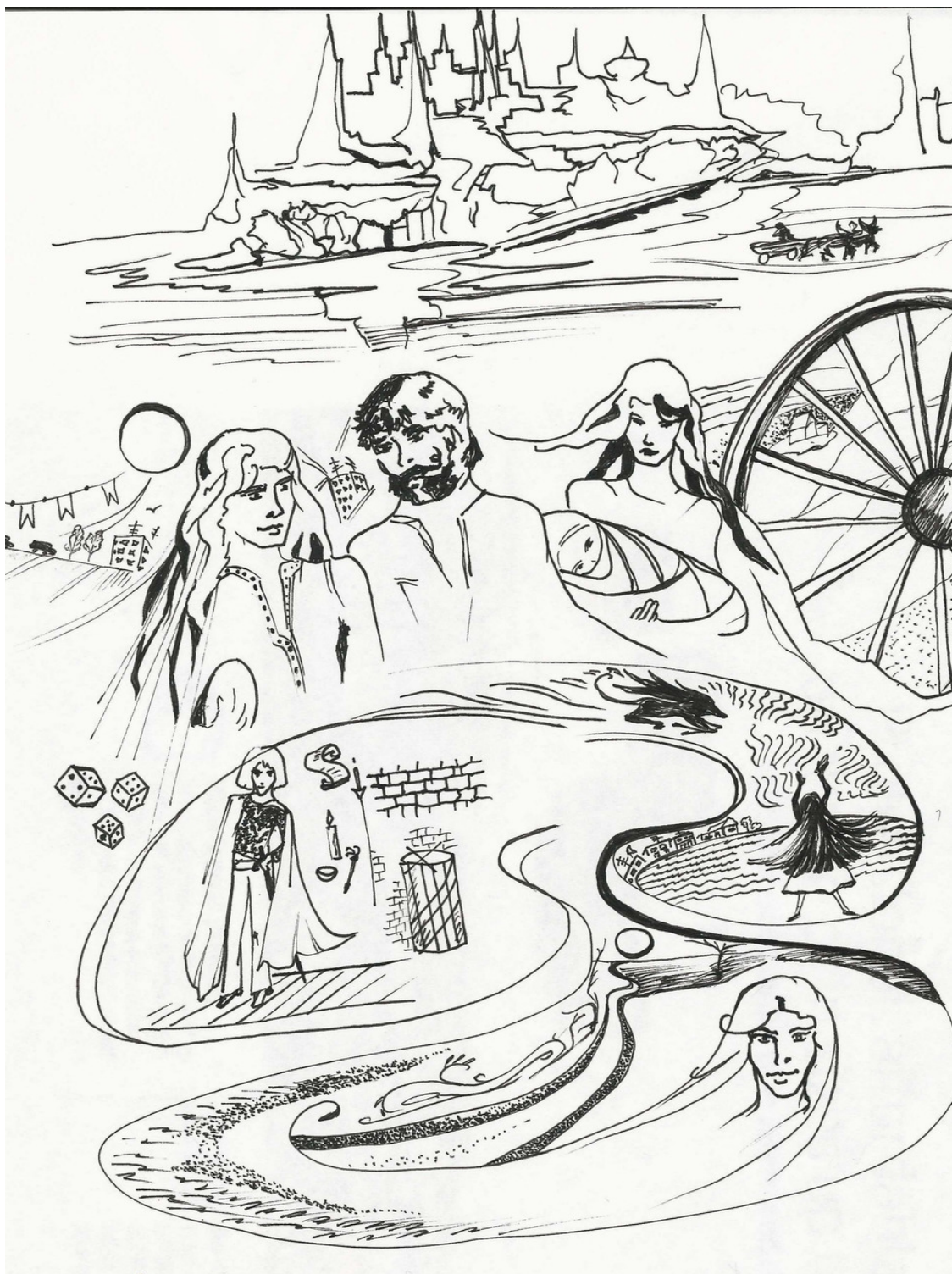
Колдуны

Екатерина Смирнова

© Екатерина Смирнова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Колдуны

Справка

«Колдуны – блюдо белорусской кухни, крупные картофельные клецки с вкусной начинкой»... – Толковый словарь.

«Колдуны, матрешки и прочие деревянные изделия»...

...Очень опасные персонажи компьютерных игр и старинных сказок»...

«Колдуны – это хорошо!»

«У вас в зоопарке одни колдуны и хулиганы!» – нетрезвый посетитель

«У меня есть черная кошка! Я колдун!» – форум текстовых ролевых игр, раздел «знакомства»

«Необходимо серьезнейшим образом отнестись к деятельности так называемых колдунов» – статья в газете «Комсомольская правда» примерно 1995 года выпуска.

«Мама, у меня на голове колдун! Там волосы запутались!»

«Да ну вас, наверное, вы колдуны какие-то», – древняя бабушка девяноста пяти лет, попросившая себе на день рождения хороший игровой компьютер.

Если бы мы только знали...

Анечка, Иннокентий и другие невозможные люди

Город

И люди

Колдун Иннокентий

Колдун Иннокентий проснулся с первыми петухами, прошел в ванную по стеночке, качаясь и стеновая, глянул в зеркальце заднего вида, висевшее на обшарпанной стене уже года три, дернул свое отражение за нос и привычно избавился от тошноты, тоски и головной боли.

Затем он прошел в лабораторию (она же кухня), мановением руки изготовил себе волшебный напиток кубита, одно из побочных действий которого – превращать обезьяну в человека без всякого труда, выпил его и раскрыл заново письмо, лежащее на столе. С официальными документами так обращаться негоже, но вчера он сложил его вчетверо. А потом скомкал и швырнул в мусорку.

В письме говорилось о том, что в связи с напряженной демографической ситуацией в стране среди магов, колдунов и повивальных бабок объявляется чрезвычайное положение. Поэтому тех, кто женат, обязуют в кратчайший срок где-то взять еще двоих или троих детей – ну, или, в крайнем случае, кошек – а одиноким бобылям дается срок, чтобы завести себе ученика.

В случае колдуна Иннокентия срок составлял ровно один день.

Когда первое раздражение прошло, а напиток кубита подействовал, Иннокентий задумался. Уже несколько лет он жил затворником в глухом углу Южного Бутово, рядом с трубами ТЭЦ и железной дорогой, и проводил невероятно важные исследования, руководствуясь трудами своих коллег. По его чертежам было построено несколько комплексов, добывающих в промышленных масштабах философский камень. Работу нужно было держать в секрете, и потому Иннокентий общался только с коллегой из соседнего подъезда, для разговора с которым требовалось крепко выпить: старик уважал принципы Уральско-Захребетной школы, согласно которым для великих открытий требовалось полное единение с природой.

Собственно, что плохого в учениках? А ничего. Разве что безапелляционность тона, в котором было составлено письмо, была Иннокентию противна. Но, раз уж напомнили, почему бы не воспользоваться этим напоминанием в собственных целях?

Он закурил и задумался. Да, неплохо бы, чтобы все, мной придуманное, кто-то усвоил. Вот, хотя бы этот змеевик... Или умение левитировать...

Следующие полчаса он сладостно думал о том, что в жизни и науке добился многого, и даже слазил в буфет за дипломом. Поиск предметов – 5, оживление – 5, разработка месторождений – тоже 5... И, черт побери, даже домоводство!

На мысль о домоводстве немедленно явился домашний черт Вася и убрал весь мусор, бутылки саморастворились, и довольный Иннокентий, напевая, посмотрелся в зеркало. Вполне прилично. А следы вчерашнего на лице исправлять долго. Ну, вот и не будем исправлять! У нас есть дела поважнее! Ать-два...

С этими мыслями Иннокентий вышел из дома.

Поиск ученика, по традиции и инструкции, должен был оказаться простым, как три копейки: нужно было идти, идти, глядеть в оба, а по дороге ввязываться во все, что тебе на глаза попадет. Глядишь, в конце концов и попадет ученик.

Зеленый мир оглушил колдуна птичьим свистом, шумом машин и ветром, который кусал затворника за бока, и глаза Иннокентия после стерильно-пыльной обстановки лаборатории немедленно заслезились.

С первых шагов его ожидали трудности. Солнечный свет был слишком резким, на улице стояло лето, и свитер пришлось переколдовать на пиджак, чтобы выглядеть прилично. Но выглядеть прилично в пиджаке не удавалось: бабушки на лавочке зашептались – «алкоголик за пивом пошел».

А ну их, этих бабушек! Я давно взрослый колдун! – злорадно подумал колдун Иннокентий. И пошел прямо так, в пиджаке и штанах, прожженных кислотой.

Город изменился.

Пока он занимался исследованиями, не вылезая из дома, соседний дом снесли, и на его месте вырос новый, оранжевый, без малого в тридцать этажей. Над его крышей кружились галки, в которых Иннокентий опознал творения соседа. Они тоже были оранжевыми, но этого пока никто не заметил – люди редко смотрят вверх.

Колдун закурил и двинулся по прямой, к школе.

Тут его ожидал неприятный сюрприз – какой-то гражданин, на вид приличный, на глазах у всех ссорился с женой. Ссорился он очень грубо, называл жену злыми словами, и уже было занес над ней кулак, когда Иннокентий телекинетически ухватил его за шиворот и строго спросил, что ему тут нужно. Колдун, как натуральная интеллигенция в пятом поколении, хамов не переносил, а потому врубил режим просветления, и через полчаса все было готово. Граждане удалились, говоря о вечной гармонии, и над головами их сияли маленькие нимбы. Напоследок они попрощались с Иннокентием, почтительно назвав его «учитель».

Но люди, не имеющие магических способностей, в ученики не годятся, и Иннокентий продолжил свой путь по району. Район оказался больше и зеленее, чем помнилось ему, а половину дворов заняли шикарные машины. Два раза он спотыкался об них, два – об собак, но ни владельцы машин, ни владельцы собак магического таланта не проявили. Вокруг бегала какая-то женщина с безумными глазами, причитая – не видели ли вы маленькую девочку со светлыми волосами? Вон там, сказал Иннокентий и показал, где. Счастливое семейство немедленно воссоединилось и побежало домой.

Вот как, подумал он, и даже не наказала! Но мысль о том, что эти люди тоже не годятся в ученики, отравила ему удовольствие.

За гаражами какой-то незнакомец мучил кошку, стараясь научить ее курить. Ему досталась обычная оплеуха.

Дорога под ноги ложилась вполне удовлетворительно. В голове колдуна разворачивалась, меняясь то и дело, карта поиска – там люди и собаки, здесь люди и коты, здесь стая голубей... Он не боялся заблудиться. Пару раз Иннокентий левитировал над домами, но зоркие бабушки гоняли его от окон тряпками, а один бледный человек вежливо попросил отойти к чертовой матери.

Поэтому он спустился, купил пива и пошел пешком, потому что неспешное и вдумчивое хождение – это тоже медитация.

Иннокентий шел, и шел, и шел, и в скором времени начал получать от прогулки несказанное удовольствие. Давненько ему не доводилось так гулять. Лето было ласковым, а мир казался лучше, спокойнее – но мест для поиска учеников было не больше, чем при советской власти: ни длинных очередей, где люди развлекают себя гипнозом и иллюзиями, ни больших уличных драк...

Хотя нет, в центре Москвы сейчас происходила большая уличная драка. А у станции – маленькая. Но дебилы у станции его не интересовали. И было очень лениво ехать в центр Москвы.

Мимо проходили граждане с колясками, граждане с сумками, проезжала милиция в машине с надписью «полиция», и было Иннокентию весело и хорошо. Он даже отвлекся от задачи, чтобы найти кому-то потерянный кошелек.

Один раз его окликнул нищий у магазина – но нищий тоже не годился в ученики, хоть и обладал удивительным талантом выклянчить что угодно.

Так как на улице валялась тьма-тьмушая стеклянных бутылок, Иннокентий решил причинить пользу родному городу и магически собрал их с газонов, не отрываясь от основного дела. Собранные бутылки он сложил горой перед дверью приемного пункта, получил от озадаченной приемщицы тыщу рублей и раздал их бездомным, зорко глядя – не попадется ли среди опустившихся людей ученик? Раньше такое часто бывало.

Не попался.

Завершив это неожиданное дело, он отправился по улице дальше, решив все-таки поискать среди приличных людей, но услышал страшные вопли прямо из окна соседнего дома – какой-то дурак проснулся в час дня и вопил, что вокруг Чечня.

Судя по громкости, это был еще один колдун.

Иннокентий прервал прогулку и поднялся на четвертый этаж, чтобы помочь коллеге, снял белую горячку и дал пару советов. Хм, подумал он, может быть, это и есть ученик? И сделал предложение коллеге. Но коллега не согласился. И волшебный напиток, предложенный коллегой, сильно отличался от кубиты по действию: он опьянял до изумления за три секунды.

Колдун Иннокентий вышел из подъезда, сел на заборчик, закурил и глубоко задумался. Утро прошло зря, и все вокруг вызывало уныние. Нет, добросовестно ввязываясь во все, что попадется на глаза, не найдешь ученика. Не то время.

Он даже подумал – ох, черт! Все, что угодно, отдал бы сейчас, чтобы... Но тут спохватился и думать перестал.

Ведь, если уж говорить о магах – а также колдунах, поэтах и великих ученых – хороший маг готов что угодно отдать за ученика, который будет схватывать на лету, но...

... Не все, что угодно.

Есть вещи, которые маг отдать не в состоянии. Во-первых, он без них сдох бы.

Во-вторых, а смысл? Ученику они пригодятся больше!

И поэтому колдун Иннокентий пошел дальше с пустой головой, наталкиваясь на мирных прохожих, и ждал, когда его покинет отчаяние. Нехорошо потерять то, чем должен завладеть будущий ученик.

На бульваре было хорошо, спокойно, хотя и чересчур людно, и Иннокентий включил мыслительный процесс снова, разглядывая детей – некоторые показались ему подходящими. Но он не знал, как к ним подступиться.

Один мальчик подкатил свою машинку прямо ему под ноги.

Колдун напряг силу воли и откатил ее обратно. Мальчик засмеялся, тоже напряг силу воли и прикатил машинку снова. Иннокентий обрадовался, рассыпал в воздухе конфетти, присел на корточки и уже собрался с мальчиком поговорить, но тут подросла мама.

– Геннадий, что ты делаешь? Не видишь, что ли, дядя – пьяница! Отойди от него.

– Мам, он тоже фокусы умеет! – отнекивался мальчик, но мама взяла его за руку и потащила прочь. Иннокентий печально помахал ему рукой. Мальчик вздохнул и залевитировал машинку за собой.

Иннокентий печально пошел прочь. Судя по всему, ребенок Геннадий был уже сложившимся, опытным колдуном, и ему только повредили бы лабораторные глупости взрослого дяди-алхимика.

Через пару часов он окончательно устал и уселся под куст. Мимо прошла мама, ведущая за руки двух очаровательных малышек. Третьего она катила в коляске.

Иннокентий восхитился ловкостью дамы и собирался уже сделать ей изысканный комплимент, но с его уст сорвалось почему-то совершенно другое: «ох-ре-нет, сколько детей!»

Мама бросила на него уничтожающий взгляд.

– Что, даже до трех сосчитать не можешь?

Прохожие засмеялись.

До дома колдун Иннокентий добрался поздно, с трудом волоча ноги. Светили фонари. Пьяные распевали песни. Жители новых домов выгуливали новых собак. Он левитировал в окно второго этажа, достал ключ, открыл решетку и свалился на диван, мечтая утопить в вине свою большую голову.

Раздался звонок в дверь.

Иннокентий с воплем разочарования оторвал голову от подушки, прошел в прихожую и сказал особое ругательное слово, отпирающее замок. На лестничной клетке было темно. «Входите» – сказал он и отступил на шаг, видя что в квартиру входит некто с косой, в черном балахоне.

– Ээээ... – только и смог проскрипеть Иннокентий. Но через две секунды справился с собой, вспомнил, что колдуну полагается мужество, и выдал из себя: – вы из правительства? А в бумажке ничего не было написано, что будет, если не найдешь...

Нет, сказал некто с косой. Я не от вашего правительства. Не такое у вас правительство, чтобы мною распоряжаться.

– ... а зачем?.. – еле проговорил Иннокентий.

Давай пройдем внутрь, а то что мы стоим – сказал некто с косой.

Они прошли в кухню, она же лаборатория, и сели на диван. Иннокентий, механически двигаясь, налил гостю волшебного напитка кубита, выпил его сам и стал смотреть в другой угол – уж больно страшно было.

Я к тебе учиться – сказал некто с косой.

Ошеломленный Иннокентий сполз с дивана с кружкой в руках.

Не беспокойся ты так – сказал некто. Во-первых, никто от этого еще не умирал. Во-вторых, если так посмотреть, гордиться надо.

– А почему... я?.. – спросил он. – я какой-то... Особенный?

Дело не в том, что ты особенный – сказал некто и поправил складки балахона. Дело в том, что ты очень хорошо умеешь искать. За один день ты нашел троих из тех, кого я ищу уже долгие годы. Один убийца, один многоженец и один такое сделал, что сказать-то стыдно. Нельзя человеку прятаться, совершив такое, будь он хоть трижды колдун. В скором времени я за ними приду.

И вздохнул.

Это получается, я людей погубил? – ошарашенно сказал Иннокентий. – Ой, как плохо...

Нет, – сказал некто, – они сами себя погубили. Нечего было прятаться. Хулиганье трусливое.

Все равно нехорошо вышло...

На потолке спать нехорошо – наставительно сказал некто. Вот за тобой никто не придет, бумажка-то обычная, глупая, и даже не оштрафуют, если ученика не найдешь. А меня – оштрафуют. Как пить дать.

Он попытался представить, на что можно оштрафовать этого, жуткого, но от страха только больше ослабел.

– А чего ты... От меня-то... Хочешь? – задумчиво спросил Иннокентий.

А ты меня научи – серьезно сказал этот, который с косой. Сам знаешь, вашего племени мне не разобрать. То один ужом обернется, то другой перелиняет, а то и философский камень в руке зажмет, и не вижу я его. А мне надо. Они живут, живут, гадят, гадят... А тут я их на корешок – и в папочку. И все славно.

И уже подумал было Иннокентий успокоиться и возгордиться, но тут кольнула его странная мысль. Уж слишком гладко все выходило у этого, с косой. А ведь в одной фразе, между тем, выразил он истинную суть своего желания: и бестелесному трудно скрыть, когда подпрыгиваешь на месте, когда дрожишь от азарта – ну! Вот же! Ну! Сейчас главная мечта исполнится!

И лезвие косы медленно покачивается, постукивает снизу по дивану: тук-тук.

И тут взяла Иннокентия гордость, которой в избытке у любого хорошего колдуна. Даже самого пьяного.

– Разгадал я тебя! – крикнул возмущенный Иннокентий. – Ты мне голову не морочь! Ты тут сидишь, Шерлоком Холмсом прикидываешься – мол, справедливости тебе, да побольше. И штрафа боишься, как обычные люди, да? А сам всех – на корешок и в папочку! Нет уж, сволочь! Не дам я тебе наше племя изводить. И, сколько б ни прятались от тебя колдуны и колдуньи, не найдешь ты ни одного! Не трожь нашу, это... Демо... Графическую ситуацию!

Так по-былинному ответил смерти Иннокентий, а после встал с дивана, дверь открыл и стоит – мол, вот вам бог, а вот порог.

А поджилки у него трясутся.

Тот, который в балахоне, встал, подошел и смотрит. И говорит:

Разгадал, разгадал, молодец. Гордись гордостью магов. Опять не удалось. Только ты имей в виду: пока не один ты такой на свете, как-нибудь я без тебя обойдусь. Другие подрастут – их и расспрошу.

И с этими словами тот, который в балахоне, прошел в дверь и растаял.

Иннокентий посидел-посидел, а потом подошел к зеркалу и начал выгонять из себя страх.

Дернув отражение за нос, он задумался: во-первых, любому магу известно, что смерть говорит правду. По-другому она не умеет.

А, во-вторых, если он такой уникальный, а не просто пьянчуга-умелец, срочно надо найти этих, о которых говорил сволочной тип с косой. Вырастут, говорите? Спросишь, говоришь, у них? Ну-ну...

И Иннокентий, напевая, пошел бриться.

Спокон веков известно, что стенать о поиске учеников – неправильное дело, что ученика не выпрашивают у мира в обмен на гордость или сломанную руку – ученик приходит сам.

Хотя иногда ждать и искать его задолбаешься.

Но ведь если у тебя нет терпения, то какой же ты маг?

Говорят, что с тех пор колдун Иннокентий здорово помолодел.

Бабушки на лавочках диву даются, не понимая, почему пьянчуга из пятой квартиры побрился, бросил пить, купил себе белые кроссовки и целыми днями пропадает на работе.

Но Иннокентий пропадает не на работе. Хотя иногда он находит себе подходящие занятия: разносит посылки и подарки, распространяет билеты в школах, устраивается на полставки учителем труда или физкультуры, а когда ребенок разворачивает конфету от Деда Мороза или сосредоточенно ковыряет доску стамеской, колдун Иннокентий внимательно смотрит – не мелькнет ли та самая искра?..

А дети стараются и думают – вот какой хороший дядька.

А он и правда хороший.

Колдун Иннокентий прилежно ищет себе подходящего ученика.

Алый табун

Девочка облизнула карандаш, старательно выправила положение тетради – угол ровно тридцать пять, а еще нужно сесть, опираясь на левый локоть – и вывела:

«Я хочу написать про алых коней. Но мне все время что-то мешает».
Яблоневый сад за окном шумел.

Ночью в поселке тихо, тихо, и лунная сеть накрывает горы, и косы, заплетенные на ночь, кажутся черными, и тени вплетаются в них, как синие ленты. Лето проходит, идет через долину семимильными шагами – идет, идет и никак не уйдет отсюда, ведь долина – огромная, а лето – не так уж и велико: когда с одного края долины ветер несет желтую листву, на другом краю еще созревает земляника. И тихо, тихо...

А ночами по крыше – мягкий стук падающих яблок, и звезды в ладони просятся, как уснувшие птицы.

Везде тишина, одна тишина и шум ветра.

Почему же ночами ей снятся алые кони?

Алые кони – громадные, страшные, в чешуе, как огненная корка, из-под которой пышет жаром пламя, прорываясь в трещины: алые кони – и бесшумные, и громкие, стук копыт или скрежет брони, пыль, проминающаяся под копытом, теплый выдох, спокойное течение ветра.

То не молвь людская, не конский топ – алые кони пришли греться в огне пожара, вертеться среди падающих бревен, уносить с собой огонь за горизонт, разносить по степи.

Минуйте нас, алые кони...

Не укротить, не удержать, не укрыться, не усмирить. Алый конь не несет на себе всадника.

И редко когда мелькнет в языках пламени конь в подобии упряжи, а на кольцах обгорелых лент – огромное копые, диковинное, с крюком и закопченным знаменем, не горящим в бесчисленных пожарах.

Никто, кроме нее и ей подобных, не видит алых коней.

Днем девочка помогает матери в саду, пока не устанет. Она могла бы и еще, ведь яблок много и они сами просятся в ладони, но когда девочка застывает с яблоком в руках, разглядывая зеленое и алое, мать немедля гонит ее в дом – иди, иди, радость моя, устала, радость моя, полежи в холодке, чтобы голову не напекло.

Голову не напечет.

Девочка тихая, спокойная, отличница, достойная наследница – чем не повод гордиться и радоваться. За обедом – первая кружка молока, первый кусок хлеба: как только эта девочка научилась сидеть за столом – вся большая семья, недружная до того, вспомнила: гораздо приятнее смотреть, как ест ребенок, чем есть в одиночестве.

Нет, что вы, она не избалована, несмотря на весь почет. Она добрая: каждому скажет ласковое слово, каждому поможет, как умеет. Где копать колодец, где ставить дом, где найти потерянного ребенка – спросите Анечку, Анечка найдет.

Анечка хранит в голове все, что когда-то видела и слышала. Анечка наблюдательна и проста. Сам поселок – тоже простой: жаркий, пыльный, горы далеко, овцы рядом. Мальчишки ездят по двое на одном совхозном коне, клейменом неразборчивой цифрой, погоняют коня веревочной плеткой: даже паспорта не у всех есть, а всех денег – копеечная зарплата да пенсия. Вот если бы хорошую жизнь!..

Анечка тоже хочет хорошей жизни. Так ее научили. Кроме того, она умеет все делать хорошо: раз – и готово. Только сначала его надо придумать, а потом – исполнять. А исполнять могут и другие люди, надо уметь их убеждать.

Она знает: и поселок, и ближнее село, где есть родня, по крохам собирают деньги, чтобы отправить ее после школы учиться в город: мать восторженно говорит всем и каждому – девочка хочет строить дома.

Нет, не только дома! Города, где будут высокие дома, сады и радиовышки, детские сады и школы. Иногда она мечтает, каким будет ее город: высокий, все дома – выше трех этажей, на крышах домов – виноградные усы, бегают собаки, и летают вертолеты и самолеты, а над ним – маленькое нестрашное солнце.

А ночами ей снятся алые кони.

Алый конь не умеет долго ждать. Никто не знает, откуда алые кони: из вихрей пламени, из ветра ли... Не загупится о скалы острый нож ветра, высечет искры в горах, и побежит по дорогам алый конь.

Или закуришь трубку, уронишь искру в траву, а потом уж не жалуйся: алые кони летят по степи, хлещут землю огненные гривы, изгибают кони драконьи шеи, мотают драконьими головами, бьют копытами в сухую землю. Река пересохла – жди алых коней. Самое страшное время – время засухи.

Может быть, оттого она помнит про алых коней, а никто не помнит?

Анечка не умеет вызывать дождь. Мать вот умеет, а Анечка – ни в какую. уж мама-то немедля скажет алым коням: пошли прочь! – и кони развеются мокрым пеплом, улетят дымом от залитого костра... За все тридцать лет, что живет на свете Анечкина мама, поселок ни разу не горел.

Об алых конях Анечка и другим детям сказки рассказывала.

Алые кони свирепы, едят много, они могут есть все, что им дадут: человечину, девочек, мальчиков, обычных коней, коз, коров... они пробегут мимо, заденут боком – и все, сгорел человек. Так-то.

Бабушка Анечки носила на руке огромный ожог. Может быть, от такого коня, только не говорит. Анечка три года его ей залечивала. Получилось только на третий. Говорят, прикосновение такого коня прожигает до кости, а грива его хлещет по воде и не растворяется, оставив дымные следы, похожие на тигриные полосы.

Алые кони не злые, они буйные, и никто их не укрощает. И трава от них загорается или они сами из горящей травы – никто не знает.

И бегут они по земле быстро-быстро, как будто их носит ветер...

– Вырастем большие и будем укрощать алых коней – решили близнецы-соседи, стриженные черноволосые мальчишки. Их папа работал объездчиком. – И к вам на таком коне приеду – сказал один, говорливый. А тот, который больше молчал, добавил: – Нет, я. А Анька за меня за это замуж выйдет.

– Так у тебя штаны сгорят, если ты на него сядешь! – рассердилась мама. – Брысь отсюда, укротитель!

– Буду-буду! – сулил укротитель, исчезая в темном саду. – И женюсь обязательно!

Глупости маму, впрочем, не волновали. Маму волновало то, что Анечка растет, а в комнате у нее стоит громадная чертежная доска и небольшая табуреточка: ростом девочка невелика, но в двенадцать лет по ее чертежам в поселке строят первый четырехэтажный дом. Папа Анечки – большой дока по части уговоров и умеет общаться с чиновниками, а теперь и телевидение прикатило из райцентра, и статья про вундеркинда в столичной газете. Правительство обещало поощрять таланты? Пускай, значит, и поощряет!

Дом стоит, а потом и второй дом: для них из города на больших грузовиках везут особый материал.

Председатель совхоза спорит, упирается и говорит, что никому не даст разбазаривать государственные средства, но улыбчивая Анечкина мать объясняет ему, что эти дома гореть не будут: а шамотный кирпич можно улучшить вот так...

Книжные полки занимают отдельную комнату.

– Она выведет нас в люди! – говорил председатель совхоза и почему-то крестился.

В четырнадцать перед отъездом в университет, куда Анечку сопровождала толпа взволнованной родни, она всю ночь не спала: боялась, что придут алые кони.

*

В городе непривычно, зелено, душно, мокро. Спасаться можно только в библиотеке, там, где тишина и прохлада. Дни летят со скоростью самолета. Отличница Анечка закручивает длинные черные волосы в незамысловатый пучок, поет родные песни, участвует в самодеятельности, но друзей у нее не так много: лучшие из друзей – молодой парень-биолог и старый профессор. Подруг все меньше: Анечку не волнует собственная привлекательность, ей не нужно даже зеркало, чтобы быть красивее всех. По институту идет молва, что Анечка – колдунья, но привораживать мальчиков отказывается из чистой вредности. Кроме того, она совсем не пьет и не курит, а только учится.

В комсомол ее не берут: ишь ты, никакой тебе общественной работы. Но придраться не к чему, а учится она идеально. Тем более, когда Анечка выходит на субботник по мойке окон, как-то само собой оказывается, что убирать уже нечего.

На Новый год она просила разрешения не ехать домой, и семья отнеслась к этому одобрительно: чем больше их надежда проводит времени в этих стенах, тем лучше. Основной темой разговоров за обедом и ужином были благоговейные рассказы об успехах Анечки. «Это же храм науки!» – вздыхают старые тетушки, всю жизнь ходившие за коровами и козами.

Анечка благоразумно молчит.

На дворе минус сорок. За окном тоскует Академгородок. Летом асфальт вскрыли, да так и оставили, и теперь по улицам летит поземка, смешанная с песком.

В библиотеке стоит старый-старый электрокамин, и студенты греются вокруг него, завернувшись в куртки и одеяла: вообще-то это запрещено, но в общежитии всю праздничную неделю стоит адский холод. Отопление отключили. Любители туризма ставят в блоках брезентовые палатки и утверждают, что так теплее.

Профессор заходит на чай с бутылкой какой-то спиртовой дряни, и разговор заходит о сверхъестественных вещах, как и положено под новый год. Анечка отмалчивается.

– Смотри! – говорит ее друг и выпускает из рукава небольшую светящуюся ящерицу.

Ящерица забирается на асбестовую трубку и немедленно прогрызает в ней дыру. Камин гаснет. Возмущенные однокурсники собираются бить друга, но профессор жестом фокусника вытаскивает из портфеля запасную трубку, завернутую в карту с грифом «совершенно секретно».

Друг расплывается в улыбке, разворачивает карту и начинает объяснять, как доехать.

...Алые кони приходят бесшумно, сгорают быстро, уходят долго, сгорают и возрождаются: пламя – и уже конь, серый от пепла, а потом красный, и только грива его, драконьего пламени грива, летит в сизом воздухе. Птицы сгорают на ветру, двери открываются под напором огня, воздух врывается внутрь, и чем выше этаж, тем безжалостней пламя.

Надо, надо делать широкие, короткие коридоры, и запасные лестницы, и двойные ставни – и вода, благословенная вода, подача которой не должна отключаться...

А еще дверь должна быть широкой, и окно – правильно расположенным, и зверь – электричество должен быть укрощен. Дадим зверю большой щит, оденем его провода в толстые дорогие одежды, и не рассердится зверь, не укусит, а успокоится и будет нам служить. И вот уже одевается невидимый костяк здания бетонной или кирпичной плотью, прорезают ее окна и двери, возникают пустоты, в них удобно устраиваются трубы, и все тело дома дышит, дышит вольно и легко, когда по невидимым ходам несется воздух, прохладный или теплый...

– Ты что глаза закрыла и бормочешь, Ань? у тебя температура? Сядь, посиди.

– Не посижу – мстительно отвечает Анечка и продолжает подбивать клином серое от старости окно, чтобы рама не перекосилась. А потом еще зашептывает для основательности.

Гнездо саламандр находится в болоте, которое зимой не замерзает, а летом высыхает и прогорает так, что сейчас из-под снега видны струйки дыма. Анечка делает шаг и проваливается туда, где темно и очень жарко. В уши шепчут голоса.

Как она вылезла невредимой, она не помнит, но с этих пор на ее руке прижился браслет в виде серебристой змейки, и все спрашивают, не платина ли это.

Остальные ребята, наловившие себе ящерок для отопления комнат, не удостоились такой чести. они обжигают пальцы, прикуривая от спички. Но зимой Анечка может ходить без пальто. Правда-правда, ведь пальто все равно износилось до дыр, и Анечка стесняется написать матери и попросить новое – ну, чтобы не быть похожей на какую-то дочь помещика-бая.

...Алые кони приходят редко, но после них не остается ничего. Ни травы, ни воды, ни земли. Ни камня. Камни и те прячутся во взрыхленной земле, распаханной чудовищным плугом. Здесь были норы, здесь были гнезда. Здесь перепелки выводили птенцов, а у реки прыгал коростель.

Возле реки огонь останавливается.

Значит, должен быть пруд, если нет реки, значит, должны быть колодцы, готовые отдать все до капли. Алые кони любят пить воду, чтобы воспрянуть с новой силой, но они не любят песка. Они пьют воздух, но направленный поток воздуха сметает все, даже алых коней. Значит, должны быть сильные водометы, и несгораемый кирпич, и живая стена деревьев, и корни, соединяющие живую землю.

Алые кони уйдут, остановленные человеческой рукой.

А все-таки интересно, на что похожи алые кони?

На огнедышащую лаву?

На камень, расплавленный и застывший?

Можно ли когда-нибудь накормить алого коня с ладони, как обычного коня? И что ест алый конь, помахивая драконьим хвостом?

А если город обнесен кругом – съедят ли его алые кони?

– Почему они такие голодные? может быть, их никто не воспитывает? – спрашивала Анечку пятилетняя племянница Ида.

– Нет, нет – смеялась она – как можно воспитывать так, чтобы есть не хотелось? Они просто все едят.

– А ты сделаешь так, чтобы их не было?

– Я сделаю так, чтобы они до нас не дошли – мрачно сказала Анечка. – А дальше пусть биологи разбираются. Или пожарники.

– А я буду пожарником. Или биологом! – сказала племянница.

Анечка спустила ее с колен и подтолкнула в направлении сада. В саду мама поливала цветы из лейки. Иди, помогай, если голова не болит.

Саламандра зашипела.

***

Когда она закончила университет, стало ясно, что пора ехать домой, и ни о каком распределении речи не идет: дома Анечка отчаянно нужна. Руководитель умолял ее остаться, но было хорошо видно, что он сам такой же.

Словно подгадав под ее собственные нужды, правительство в этом году утвердило новый план по строительству новых домов, и все силы многочисленного семейства уходили на то, чтобы девочке досталось хорошее место. На стол выкладывались статьи о вундеркиндах, еще не старые газетные вырезки, призы, грамоты и золотая школьная медаль, и Анечка мучительно краснела.

На третий год работы ум победил неопытность, и она ощутила себя героиней производственного романа: огромных усилий стоило держаться назначенной линии, чтобы не осесть на выгодном местечке.

Довольно скоро Анечкин поселок, ближнее село и все населенные пункты, где живут родственники, были уже перестроены и обнесены белым каменным кругом. Анечка настаивала на этой ничего не значащей детали, иначе она не будет работать, что вы, нет-нет, откуда это примитивное ведьмовство.

– Нет, это вполне соотносится с линией партии. Вы почитайте Ленина, он говорил: «узок их круг, и страшно далеки они от народа»... А мы сделаем большо-ой, широкий круг! –

пламенно говорила Анечка, кивая гладко причесанной черноволосой головой, и вдохновенно смотрела на портрет вождя над столом.

Начальство хмурилось, но разрешало. Во-первых, попробуй тут. Во-вторых, Анечкина бурная деятельность приносила хорошие проценты, о которых эта дурная девица не имела ни малейшего понятия.

Анечкин проект уехал на французский конкурс в Бурже, где имел успех, а ребята засветились в международном обществе, как какие-нибудь лампочки Ильича.

Французские газеты писали невероятные вещи, которые молодые советские специалисты категорически отрицали: дескать, все, что проектировала эта команда молодых энтузиастов, было обращено лицом к югу и спланировано так, что в основе всегда угадывались «кубики», солнечная решетка, знак белого коня или солнечный крест, повернутый вправо. В остальных, второстепенных местах вроде детских садов, как писали эти гиены пера, всегда располагались знаки воды; может быть, поэтому уровень осадков в степи за последние годы существенно возрос.

– Типун вам на язык – ворчал приятель-дипломат. – Аня, о чем ты с ними вообще говорила?

Дома было поспокойнее, во мракобесии никто не обвинял. Попадая на стройку, Анечка спокойно обходила ее посолонь и украдкой разбрасывала соль там, где это было нужно. В городах сажали тополя и рябину – отгонять духов огня, а в солярном центре, отстоящем от географического примерно на 2 км, всегда стояли дома культуры, на стенах которых кони изображались только синим цветом – да, да, красным нельзя! какой еще Матисс? Наш художник давно утвердил эскиз! – или у реки, текущей на север.

– Вот какая дотошная, во все входит! – бесились администраторы, бухгалтеры, проектировщики и прорабы.

Анечка танцевала на стройках, хлопая в ладоши над головой. Длинные распущенные волосы ее развевались.

Чего еще желать? – думала Анечка. Под крышами домов очень скоро селятся ласточки. В руках у нее нож, а в волосах – костяная заколка с вырезанными хорошими знаками.

Она счастлива.

Ее жизнь была прямолинейна, как длинные, прямые проспекты в городах ее мечты. Но проект шел полным ходом, и в нем была совсем не одна Анечка.

«Села, поселки и маленькие городки постепенно обновляются»... – писала она коллеге во Францию, передавая письмо с участником конкурса. – «Наши проекты неприменимы в условиях, когда строят ради сноса, ради обновления, не думая о людях и садах. И вот уже постепенно понимаешь: страшно смотреть, как сносят старые-престарые дома, а людей против их желания переселяют в другие места, и размах проекта вызывает ужас. Что я думаю о введении латиницы – глупый вопрос, но переселение людей из юрт в многоэтажные дома – ужасно. Одно дело – дома, которые не горят, а другое... Другое..!»

Размер переписки все возрастал. Друг-дипломат уже отказывался перевозить невинную почту.

В ноябре грянул конец света. Родственники все как один присели и закрыли головы руками.

Дело кончилось тем, что наивная привилегированная Анечка и еще два десятка таких же молодых специалистов самовольно написали письмо в ЦК, которое напечатала столичная газета, не уловившая нужного настроения. Начался огромный скандал, пахнувший очень плохими последствиями для всех, кто к нему причастен. Заграничные газеты писали о незаконном переселении малых народностей в Средней Азии. Семейство с трудом выкупило Анечку, как барана, и хлопотало о том, чтобы никто и никогда не выпустил ее за пределы родного поселка.

Комната у нее была все та же, и библиотека все та же. Но целых два года, пока продолжалось нехорошее дело, из-под ее рук выходили удивительные проекты удивительных домов. Последние дома – подземные. Подземный город, который не горит. Туда не приходят алые кони.

Она пишет длинные письма, которые в столице читают и складывают под сукно.

Урожай в том году выдался хороший, но однажды с горизонта потянуло дымом, и могила Анечкиной матери, умершей от разрыва сердца, покрылась белым соляным налетом. Небо было полно копоти, и одежда пачкалась, стоило выйти на улицу, а вскоре дымом затянуло улицы, и Анечка поняла: все.

Лошадей гнали с полей на городской стадион и в парк, потому что знали: огонь не доберется до города. И с безопасного расстояния, кашляя от дыма и протирая слезящиеся глаза, люди смотрели с балконов, как алые кони резвятся, носятся туда-сюда, играют в чехарду, мотают длинными гривами. И пламя плещет все выше, выше, но на границе белого круга огонь останавливается.

А теперь смотрели, как Анечка вышла из дома и идет туда, где жарче всего.

Поле было объято огнем, и душливый дым застилал глаза, но люди видели с плоских крыш, как Анечка входит в пламя. Анечка была одета очень-очень официально, почти что как для совещания. На руке у нее блестел браслет-змейка, а в сумке с собой, как говорили, была белая папка с завязочками с надписью «конюшня».

– Ишь ты! – ахнули люди.

Председатель совхоза перекрестился.

Анечка положила руку на седло и подобрала обгоревший повод. Огонь ее не обжигал.

– Вы что-то дикие совсем, как я погляжу, – сказала она коню. – Где вы живете? Поедемте туда. Я вам тоже дом построю.

Алый конь посмотрел ей в глаза и улыбнулся драконьей пастью. Анечка погладила его по шее.

Саламандра подмигнула и укусила себя за хвост.

Так они и уехали навсегда.

Речной замок

Дом

Андрие ехал на попутной повозке

Раскисшая дорога чавкала под колесами, не давая сойти. Он привык – всю жизнь золото окружало его на расстоянии в два человеческих роста: так, что не дотянешься. Осенью в этих краях темнело рано, и Андрие гадал, доберутся ли они до цели: много ли проку ночевать в такой грязи? После недавнего дождя придется искать какую-нибудь кочку для ночевки, или что у них там в этих лесах. Он никогда не ночевал в лесу, разве что в детстве.

Хоть бы палатку с собой захватил.

– Что ж вы не поплывете по реке? – осведомился усатый возница, жуя соломинку. – Пристань еще не разрушена, можно попросить причалить. Или денег нет?

– Нет – кратко ответил Андрие. Его раздражал вопрос, заданный в третий раз. Он никогда не понимал, зачем люди вообще задают подобные вопросы: если уж он не может нанять лодку, чтобы причалить к развалившимся мраморным ступеням, а потом пойти к развалинам замка по плитам, заросшим травой, то непременно попадается какой-нибудь шанс бесплатно доехать. Правда, заплатить за него придется чем попало. Например, долгим скучным разговором, в котором собеседник питает к вам рассеянный интерес: то ли удастся вас унижить, то ли нет. Андрие очень болезненно относился к тому, что у него нет денег.

А если этому доброхоту все равно – зачем спрашивать?

– А что, и вправду замок теперь ваш? – продолжал дурные расспросы усатый. – И документы с собой? – Покажь. Покажь, а?

– А вот не покажу, – отрезал Андрие. Он окинул затравленным взглядом дорогу и вдруг обрадовался: – О! Все, смотри, приехали!

– Не приехали, – лениво задвигал челюстью возница. – Вон еще, сколько.

Когда трясучая повозка остановилась у начала короткой аллеи, Андрие с трудом удержался, чтобы не рвануть по ней со всех ног, прихватив сумку с папкой и бутербродами, но взял себя в руки: чинно слез, расплатился чем было, покачал на ладони пустой кошелек и сказал:

– До свидания.

– Ну, бывайте... – Усатый равнодушно передвинул соломинку из правого угла рта в левый и развернул колымагу. Горбатые волы зачавкали, затопали копыта, и несчастное сооружение пошло-поехало обратно.

Андрие зачем-то долго смотрел им вслед. Потом встряхнулся, почесал в затылке, принял благородный вид и быстрым шагом направился по аллее к своему новому владению.

Замок был развернут к реке. Именно к реке спускался небольшой, но когда-то ухоженный парк, в заросших беседках которого играли молодые наследники и их товарищи, дорожки и аллеи были вымощены белым камнем, на клумбах радовали взгляд колосинка и прочие редкостные цветы, привезенные издалека: к парку вели с противоположных сторон две дороги, ныне заросшие и нерасчищенные. Замок, построенный наподобие снежной стены, обнимал крыльями парк, справа и сзади неведомый строитель расположил конюшни, хозяйственные постройки и обширный сад, а сам владелец замка когда-то задумчиво глядел на всю эту радость из своего кабинета, расположенного в самой высокой точке этой снежной стены – глядел, должно быть, и задумчиво покусывал перо, готовясь записать свои мемуары.

Хотя нет, тут Андрие уже перестарался, мечтая над картой, доставшейся ему, надо сказать, не совсем в целости.

Уже давно род Андрие обеднел, и сам он был только побочным потомком, третьей водой на киселе. Хорошо хоть, не седьмой: и такая вода была жидковата. В том городке, где он куковал в ожидании лучших времен, местный нотариус потребовал все справки, которые только мог потребовать, полную метрику и свидетельство о полученном образовании – надо сказать, это было единственное, что досталось Андрие по праву дворянина – и только потом выдал бумаги на владение.

Прадед не гордился бы им. Скорее, плюнул бы и ушел. Просто больше никого, говорят, не нашли.

Он свернул карту, поднял глаза и обнаружил себя на старых мраморных ступенях, покрытых разводами. Было холодно.

Обойдя весь замок, словно в полусне, он не нашел ни души – только белые стены, странно поблескивающие, отражали свет заходящего солнца. В одну залу он так и не собрался войти, только простоял на пороге: до того было красиво. Оранжевое, белое и алое отражалось от стен, сверкала нерукотворная позолота, и было так тепло на сердце, как будто кто-то хороший встретил его на пороге, проводил в дом, накормил хлебом, мясом и напоил вином. Андрие долго любовался красками, пока закат не остыл и пока ветер с реки не напомнил ему, что куртка его залатана, а сам он голоден.

Ему бы прийти сюда с бригадой строителей, штукатуров, маляров, мастеров по камню и золоту, по старинному дереву... В дальних комнатах еще сохранилась мебель, и открытые окна оставались при стекле, иногда даже – при витражах: хотя в этом замке витражи попадались редко. Ну еще бы – при таком-то солнце и таких-то кружевных тенях от летящих листьев... Андрие уже зауважал этот замок.

Интересно, кто сохранил здесь дерево, при такой-то влажности? И чисто... Видимо, замок посещает бригада реставраторов.

Тогда он будет не один. Нужно справиться в ближайшем городе о том, когда они будут здесь в следующий раз.

– Весной здесь, наверное, хорошо, – произнес он вслух.

Над ухом раздался едва слышный кашель, от которого все тело сотряслось, как от укуса гремучей змеи.

– Да, вы правы, молодой человек, – неспешно ответил кто-то, выступая из воздуха, как из собственной тени. – Весной здесь действительно хорошо.

Андрие на секунду закрыл глаза.

Когда он пришел в себя, призрак старательно обмахивал его листом бумаги, сложенным вчетверо.

Призрак был стар. Призрак был очень стар. Вернее, имел вид пожилого, крепкого сложения воина в простом облачении, воина, недавно удалившегося на покой. Но от него веяло даже не древностью, а старостью и рассудительностью. Имей Андрие силы содрогнуться, он бы содрогнулся еще раз. Но он только протянул руку и забрал карту.

– Это моя карта, – сказал он неожиданно тонким голосом. – Я... владелец.

Призрак терпеливо ждал, пока гость придет в себя, поднимется на ноги и представится.

Андрие назвал себя.

– Эрих Фель, – отозвался призрак. Учтиво, но как бы нехотя. Как будто это имя – ненастоящее, или говорить с гостем ему вдруг стало хуже горькой редьки.

– Вы не хотите меня видеть?

– Ничего. Просто я давно не видел ни одного Горра. Они меня сильно раздражают.

– Но ведь именно мои предки построили этот замок – растерялся Андрие. – И если вы здесь, то вы наверняка были у них на службе...

– Они все слишком предприимчивы – резко ответил призрак. – И вы такой же.

Он повернулся и уплыл в стену.

Андрие немного постоял.

– Ну, будем знакомы, – наконец сказал он, зачем-то поклонился стене, вспомнил о том, что проголодался, и зашарил в поисках сумки.

Сумка исчезла.

Эту ночь Андрие провел, закутавшись в куртку, на какой-то кушетке из темного дерева, бывшей некогда роскошной. С нее была старательно снята вся обивка, а пружины, валявшиеся по всей комнате, противно позванивали на сквозняке, когда он переворачивался с боку на бок. Он был так зол, что не думал о возможных визитах других призраков, грабителей с дубинами, диких зверей из голодного леса и прочих неожиданных гостей. Какая сволочь! Спереть у безденежного хозяина дома последнюю сумку! А еще привидение!

Хотя он тоже хорош. Припирается такой невзрачный тип – тощий, блеклый, кожа да кости, шевелюра почти что белая – и с места в карьер: «Я! Владелец!» Спасибо, хоть в подвал не уронили. Должен же тут быть какой-то потайной ход. Или тюрьма, хотя на плане и не было тюрьмы. А уж заявлять призраку «Ты еще моим предкам служил» – это верный способ оскорбить его навеки.

Андрие всегда мечтал дожить до тридцати и утереть всем нос, но ему пока что было только двадцать два.

На следующий день, когда он принес из лесу грибов и собирался разводить во дворе костерок, он понял, что зажигалки тоже нет. Он был голоден до безумия, и ему было все равно, что и кто о нем подумает. Не есть же грибы сырыми?

Громада замка затеняла двор. Андриэ почувствовал себя маленьким, жалким и разъяренным.

– Эрих Фель, военнотуужащий! – заорал он. – Добрый день! Не соблаговолите ли вы, чтоб вас, вернуть мне сумку, еду и личные вещи!

Сумка бухнулась на землю рядом с ним. Андриэ отшвырнул узелок с грибами и впился зубами в бутерброд.

Когда он оторвался от этого занятия, над ним стоял призрак и качал головой.

– Смотреть страшно на такое... Пойдемте, господин владелец... – жалостливо сказал он. – Я вас провожу.

У Андриэ прилип язык к небу.

Они шли по длинным коридорам, и он дивился тому, что в щелях нет плесени, а на крыше не расшаталась черепица. Иначе бы она валялась внизу, прорастая травой.

– Мы поддерживаем все в идеальном состоянии! – бубнил голос у него над ухом. – В идеальном! В том, в котором этот замок представляет из себя истинное произведение искусства! Дерево, растущее на башне – моя личная победа!

– И долго вы этим занимаетесь?

– Двести пятьдесят лет! – гордо заявил Эрих. Мы – стража этого замка! А я – начальник стражи.

– Тогда будьте здоровы, начальник стражи! – поклонился Андриэ.

– Нашел чего желать. Не стоило думать, что вы это оцените. Смертные есть смертные.

С кухни доносился звон.

Призраков было множество. Они шныряли по длинной неухоженной кухне, наводили лоск на истоптанный каменный пол, металл местами был начищен, а дерево пропитано чем-то хорошо пахнущим. Если скосить глаза, можно было их ненадолго увидеть. Казалось, пусть сюда хоть одну настоящую хозяйку – и все заблестит.

– Маловато у вас сил, я погляжу... – задумчиво сказал Андриэ, оглядывая огромный очаг. – Я могу хоть чем-то вам помочь?

– Не смей оскорблять нас!!! – взвыл Эрих и исчез в стене.

– Но это же совершенно не подходит для человека! Неужели я не могу...

– Да можешь, можешь, все можешь! – рявкнул Эрих, высунув руку, чтобы забрать ключ от кухонной двери. – Это и не должно подходить для человека! Это произведение, понимаешь, произведение! Это памятник! А вы здесь все портите... Ох, горе мне, горе мне... Ох...

Еще миг, и стоны затихли.

Андриэ огляделся, нашел большой котелок, не нашел воды, плюнул и побежал к реке. Колодец был забит наглухо.

В лесу пока еще оставались поздние грибы, орехи, белокорень... Надо было собрать припасов, пока можно сохранить хоть что-то. Заморозки по утрам заставляли его просыпаться пораньше, а днем, пока солнце светило, можно было спать. Зато ночью была самая пора. В старинных шандалах горели не свечи, а лучины, вставленные в потеки окаменевшего стеарина – пока он не нашел в комнате слуг светец: настоящие свечи Эрих берег в кладовых от мышей и людей.

В бочке теперь была вода, и никто в нее не бросал дохлятины. Видимо, призракам, так озабоченным сохранением покинутого дома, эстетическое чувство мешало шкродить бедному владельцу, живущему впроголодь.

Охотиться Андриэ не умел.

Иногда, отскабливая очередной подсвечник, он рассказывал в пустоту истории из своей жизни, чтобы не свихнуться.

– Я сначала отучился дома, у самых лучших учителей, как говорила моя матушка. Вырос, поступил на философский факультет. Но потом, не окончив университета, решил бродяжничать. Я был неустроен, душа у меня не лежала к учебе, а безденежье доконало. Я ушел из университета. Но через два года все же вернулся и закончил.

– Вы нищенствовали, господин владелец? – иногда отзывалась разными голосами пустота. Подначивают.

– Нет. Я просто был очень беден. Я жил в разных городах и делал разные дела. В том числе – писал небольшие книжки. Как сказал один мудрец – для увеселения философией.

– Утешения – поправляла пустота.

– Я был грустный юноша и хотел увеселений. У меня получалось. В старину мне бы не доверили командовать полком, я знаю... Сейчас я с грехом пополам закончил учиться, но никому не нужен бедный человек из хорошей семьи. Я бы пошел учить чужих детей, но тут мне пришло письмо.

– Мы не будем вас жалеть – скрипела пустота.

– А мне и не надо. Мне надо сказать, что я отсюда никуда не уйду.

Пустота замолкала, но потом он опять чувствовал на себе чужое внимание: надо было говорить.

Говорят, если не рассказывать – съедят. Но он в это не верил.

– ...А еще было вот такое: нашел себе девушку, а она желала себе развлечений больше, чем я, и случилась большая драка... – Описание большой драки пустота слушала с удовольствием.

Или:

– ...Я еду на телеге, вокруг поля да поля, горох да горох, и вдруг этот мужик говорит – остановимся здесь! И ножик вынимает, а глаза у него бешеные...

– И как же вы управились? – вздыхала пустота.

– Ударил...

Он рассказывал им истории из студенческой юности, о путешествиях, которых было немало за два коротких лета, о гостях, которые приходили в дом, где он жил с матерью и братьями... Когда все интересное закончилось, он замолчал.

Через пару недель стало проще. Запас на первое время был сделан, дрова – нарублены, две комнаты из почти пятидесяти – приведены в почти жилой вид, и Андрие с удивлением почувствовал в себе некое довольство. Как будто он – медведь, готовящийся к спячке под корнями огромной упавшей березы. О призраках он не очень беспокоился: захотят – камень на голову уронят. Но до сих пор не уронили.

Однажды он принес из леса хитрым образом скрученную ветку и устроил ее на белой стене. Отчищенная до блеска стенка сияла. Андрие поцокал языком и огляделся. Комната здорово напоминала логово, только с каменными стенами. Зато свое!..

– Вот так вы и будете жить... – проскрипел Эрих сзади.

Андрие чихнул.

Новолуние кончилось, и суета в замке затихала.

Он шел по залам, тихим и строгим. Белый камень царствовал здесь, как встарь.

Эрих плыл рядом с ним, то обгоняя, то отставая. Он почему-то тоже отбрасывал тень.

– Наша роскошь – самая дорогая в мире! – наставительно сказал старый призрак молодому гостю.

– Это отчего же? – недоумевал тот. – И мрамора у вас не так много, и золота... И дерево обветшало...

Призрак вздохнул, обводя рукой необитаемое пространство.

– Присмотрись повнимательней. Видишь пустую залу? Видишь, как распахнуто высокое окно, в котором никто не посмеет выбить отмытые дождем стекла? Видишь, как летят в проем осенние листья, и небо синее высоко-высоко?

– Вижу, – тихо отозвался Андрие.

Призрак тихо кашлянул.

– Для того, чтобы это случилось, нужно было отстроить поселение, разрушить его, основать и вырастить замок, пережить несколько нападений, основателю рода – возвыситься до почетного звания при дворе, роду – прийти в упадок и оставить дом... И только через двести лет эта зала, этот пустой дом и эта листва обретут красоту последней осени, где мы бережем все, что осталось нелишнего. Ты понял меня?

Гость медленно покачал головой.

– То-то и оно! – подытожил призрак. – Не хвастайся.

– А не лучше ли было бы это все отстроить заново?

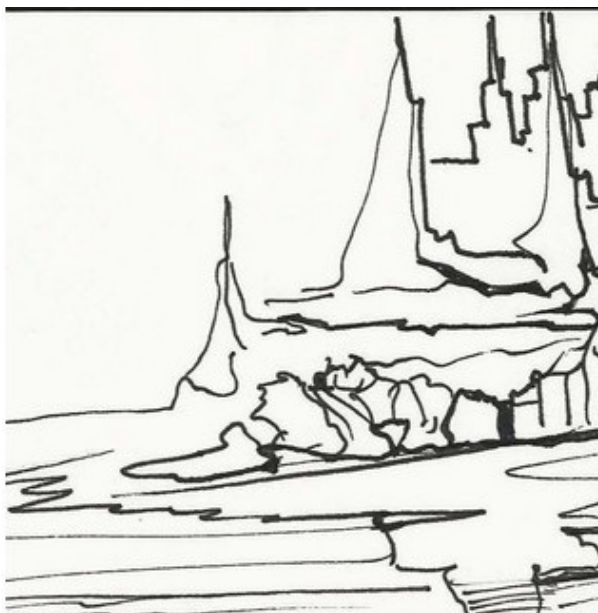
Черты призрака, хранившие печать неколебимого достоинства, выразили скорбь и негодование.

– Еще чего! – отрезал он. – Мы это все не для того сохраняли столько лет, чтобы все пошло прахом из-за прихотей смертного.

Андрие медленно спустился по лестнице, сел на нижнюю ступеньку, развязал сумку, достал столетний сухарь и стал жевать.

– Не урони крошек... – прошепестело над головой. – Хотя, нет... Это добавит колорита заброшенному пространству.

Призрак медленно взмахнул рукавами долгих одежд и растаял.

Сегодня он стучал молотком.

Стучал он упорно и долго. Гвозди страшно заржавели, и отмачивать их в керосине не было никакого толку. Но с внешней стеной в этой комнате надо было спешить, пока не наступили настоящие холода. Между фальшстенкой и камнем нужен хоть какой-то утеплитель. Пусть Эрих говорит, что хочет, а он возьмет тут все, что можно взять. Больше жить ему негде. А вот эти несколько штук гвоздей вполне еще ничего...

Обновлял тут кто этот запас, что ли?

– Двести пятьдесят лет... – печально прошептал призрак, объявляясь рядом. – Двести пятьдесят лет мы с дворцовой стражей, погибшей при исполнении наших прямых обязанностей...

О, как он подчеркивает слово «прямых»! – подумал Андрие, стараясь удержаться на хрупкой табуретке. Кривых ему мало!..

... – Двести пятьдесят лет мы хранили здесь каждую мелочь! Не давали ржавчине прикоснуться к железу! Сохраняли дерево составом, имеющим магические свойства! Мы даже отчищали вилки... Чистили котелки не хуже любой кухарки!

– Не лучше, – отрезал злой Андрие, ухватившись за потолочную балку. – Эти железяки – ржавые. Котелки у вас хреновые. Чугун надо чистить изо всех сил. Руками.

– У нас не хватает сил, – саркастически ухмыльнулся Фель. – Мы призраки. А ты, мальчик, делай, что хочешь. Тебе на все наплевать. Ты берешь и пользуешься.

– Тогда уничтожь это все к чертовой матери, раз тебе так жалко! – яростно огрызнулся Андрие. – Если я этого оказался недостоин, пусть все рассыпается!

– Не могу, – прошелестел начальник дворцовой стражи. – Мне жаль. Мне жаль наших усилий... Ты такой же, как и все твои предки. Опять все будет только для тебя...

Андрие смахнул пот со лба и засопел.

Постепенно все налаживалось.

На складах царила вызывающая чистота. Призраки не показывались, но, видимо, из гордости, продолжали делать свою работу: ветхие ткани, хоть их и было очень мало, не рассыпались, дерево не плесневело, котелки и ножи больше не ржавели. Андрие добывал огонь старинным огнивом, сушил бересту, мыл каменный, холодный пол, ходил за водой к реке, тратя на это полдня, воскрешал очаги, отчищая от копоти трубы. В одной из них он чуть не застрял.

Лучшей системой отопления в этом замке был гипокауст – система пустот под полом верхних этажей, проводящая теплый воздух. Громадная печь внизу пожирала, по-видимости, кучу дров и угля: за это не стоило и браться. Андриэ оборудовал себе под жилье маленькую комнату с камином, по-видимому, бывшую детскую: каморки для слуг были без окон, но жить в комнате без окон – все равно, что жить в чулане. По ночам он боялся, что Эрих придет и запрет его.

Много хлопот доставил тронный зал, в котором были высокие окна с рамами из темного дерева, одинокий черный, с инкрустацией, трон – сюда хоть императора посади – и длинные ряды скамей перед ним. Редко какая скамья оставалась целой. пол в нем был белым, а стены – темнее пола, и Андриэ казалось, что это зал суда. По-видимости, так оно и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.